

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»

Институт права

(наименование института полностью)

Кафедра

Департамент частного права

(наименование)

40.03.01 Юриспруденция

(код и наименование направления подготовки/специальности)

Гражданско-правовой

(направленность (профиль) / специализация)

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА)

на тему Понятие и виды мер процессуального принуждения в гражданском
судопроизводстве

Обучающийся

Я.С. Кудряшова

(Инициалы Фамилия)

(личная подпись)

Руководитель

кандидат политических наук, доцент кафедры гражданского права и
процесса, Д.С. Горелик

(ученая степень (при наличии), ученое звание (при наличии), Инициалы Фамилия)

Тольятти 2025

Аннотация

Выпускная квалификационная работа посвящена исследованию понятия и видов мер процессуального принуждения в гражданском судопроизводстве. Актуальность темы обусловлена ролью данных мер в обеспечении эффективной защиты прав участников гражданского процесса в условиях увеличения количества и сложности рассматриваемых судами дел.

Целью работы является исследование понятия, видов и оснований применения мер процессуального принуждения, выявление проблем в правоприменительной практике и разработка предложений по совершенствованию законодательства.

Задачи исследования: рассмотреть понятие государственного принуждения в гражданском процессе; исследовать правовую природу мер процессуального принуждения; охарактеризовать меры процессуального принуждения неимущественного и имущественного характера; выявить проблемы их применения; предложить пути совершенствования данного института.

Объектом исследования выступают общественные отношения, возникающие при применении мер процессуального принуждения. Предметом исследования являются нормы гражданского процессуального права, регулирующие данные меры, а также судебная практика по их применению.

Структурно работа состоит из введения, трех глав), заключения и списка использованных источников.

По итогам исследования сформулированы предложения по совершенствованию законодательства, включая введение норм об ответственности за недобросовестное поведение и усиление процессуальных гарантий при применении мер процессуального принуждения.

Оглавление

Введение	4
Глава 1 Общая характеристика мер гражданского процессуального принуждения в механизме правового обеспечения эффективности правосудия	7
1.1 Понятие государственного принуждения в гражданском процессе.....	7
1.2 Понятие и правовая природа мер процессуального принуждения в гражданском судопроизводстве	22
Глава 2 Виды мер процессуального принуждения в гражданском судопроизводстве	28
2.1 Меры процессуального принуждения, носящей личный неимущественный характер	28
2.2 Меры процессуального принуждения имущественного характера	39
Глава 3 Проблемы применения мер процессуального принуждения	45
в гражданском судопроизводстве и пути их решения	45
3.1 Характеристика основных проблем применения мер процессуального принуждения	45
3.2 Пути совершенствование мер процессуального принуждения в.....	56
гражданском судопроизводстве	56
Заключение	60
Список используемых источников и используемой литературы	62

Введение

Актуальность темы работы обусловлена ключевой ролью, которую меры процессуального принуждения играют в обеспечении эффективной и надлежащей защиты нарушенных или оспоренных прав и законных интересов граждан и организаций в гражданском процессе. В условиях динамично развивающегося гражданского оборота, увеличения количества и сложности рассматриваемых судами дел, особую значимость приобретает соблюдение принципов законности, справедливости и состязательности при применении мер, ограничивающих права участников процесса. Несовершенство правового регулирования, неоднозначность толкования норм, регламентирующих применение мер процессуального принуждения, а также отсутствие единообразной судебной практики порождают проблемы в реализации данного института, что может привести к нарушению прав и законных интересов как истцов, так и ответчиков, а также иных лиц, участвующих в деле.

Изучение понятия, видов и оснований применения мер процессуального принуждения в гражданском судопроизводстве, их места и роли в механизме реализации правосудия, а также анализ проблем, возникающих на практике, представляется важным как с теоретической, так и с практической точек зрения. Это позволит выработать предложения по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики, направленные на повышение эффективности гражданского судопроизводства и обеспечение надлежащей защиты прав граждан.

Целью данной работы является комплексное исследование понятия, видов и оснований применения мер процессуального принуждения в гражданском судопроизводстве, выявление проблем, возникающих в правоприменительной практике, и разработка предложений по совершенствованию законодательства в данной сфере.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

- рассмотреть понятие государственного принуждения в гражданском процессе
- исследовать понятие и правовая природа мер процессуального принуждения в гражданском судопроизводстве
- охарактеризовать меры процессуального принуждения, носящей личный неимущественный характер
- выделить меры процессуального принуждения имущественного характера
- дать характеристику основных проблем применения мер процессуального принуждения;
- предложить пути совершенствования мер процессуального принуждения в гражданском судопроизводстве

Объектом исследования являются общественные отношения, возникающие в связи с применением мер процессуального принуждения в гражданском судопроизводстве.

Предметом исследования являются нормы гражданского процессуального права, регулирующие применение мер процессуального принуждения, судебная практика по вопросам применения данных мер, а также научная литература, посвященная данной проблематике.

Нормативно-правовая база исследования включает в себя: Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации (ГПК РФ) - ключевой источник, регулирующий применение мер процессуального принуждения. Анализ статей, посвященных конкретным видам мер, условиям и порядку их применения, Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации (АПК РФ) - сопоставительный анализ мер процессуального принуждения в арбитражном процессе, Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации (КАС РФ) - для сравнения с мерами принуждения в административном судопроизводстве, Постановления Пленума Верховного

Суда РФ (ВС РФ) и Конституционного Суда РФ (КС РФ) по вопросам применения гражданско-процессуального законодательства, касающегося мер процессуального принуждения, а также материалы судебной практики.

Теоретическая база исследования включает: труды ученых-процессуалистов, которые занимались исследованием понятия, видов, оснований и порядка применения мер процессуального принуждения, такие как Васильев С.В., Ярков В.В., Решетникова И.В. и непосредственно по мерам процессуального принуждения: Фурсов Д.А., Молчанов В.В., Гурвич М.А., Жуйков В.М., Кудрявцева Е.В., Аргунов А.Б., Борисова Е.А. и других.

Теоретическая значимость бакалаврской работы заключается в том, что ее результаты могут быть использованы для дальнейшего развития теории гражданского процессуального права в части, касающейся института мер процессуального принуждения. Полученные выводы и обобщения могут служить основой для научных исследований в данной области.

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования его результатов в правоприменительной деятельности судов, а также в законотворческой работе при совершенствовании гражданского процессуального законодательства. Предложенные рекомендации могут способствовать повышению эффективности применения мер процессуального принуждения и обеспечению надлежащей защиты прав и законных интересов участников гражданского процесса.

В процессе исследования были использованы следующие методы: анализ, синтез, индукция, дедукция, системный подход, формально-юридический метод, сравнительно-правовой метод, метод толкования правовых норм, метод анализа судебной практики.

Данная бакалаврская работа состоит из введения, трех глав и шести параграфов, заключения и списка используемых источников и используемой литературы.

Глава 1 Общая характеристика мер гражданского процессуального принуждения в механизме правового обеспечения эффективности правосудия

1.1 Понятие государственного принуждения в гражданском процессе

Применение мер процессуального принуждения представляет собой существенный аспект правоприменительной практики в сферах гражданского, административного и уголовного судопроизводства, обусловленный необходимостью обеспечения надлежащего порядка осуществления правосудия и достижения целей процессуальной деятельности

«Процессуальное принуждение является неотъемлемой частью деятельности правоохранительных органов и органов юстиции. Оно представляет собой совокупность мер, предусмотренных законодательством, применяемых для обеспечения надлежащего поведения участников судопроизводства» [1, с. 33].

«Вопросам государственного принуждения, занимающим центральное место в юриспруденции, уделено значительное внимание в философских, социологических, психологических и юридических исследованиях. Несмотря на обширность существующих научных трудов, проблематика государственного принуждения не может быть признана полностью изученной или удовлетворительно разрешенной. В частности, профессор И.А. Ребане отмечает, что на современном этапе развития науки создание общепринятой теории правового принуждения и формирование общей концепции представляется преждевременной задачей» [1, с. 30].

Выражая солидарность с данными опасениями, мы являемся признанным лидером: современная юриспруденция до настоящего момента не сформировала целостность концепции правового (государственного)

принуждения, способной служить фундаментальной методологической базой для соответствующих отраслевых концептуальных структур.

На плоскости графического процессуального права феномен принуждения кажется малоизученным пластом теоретических знаний, нуждающихся в глубоком научном анализе. Свидетельство справедливости данных положений обеспечивает практически полное отсутствие фундаментальных монографических исследований по проблематике процессуального принуждения в сфере гражданского судопроизводства, при наличии лишь разрозненных публикаций в опубликованных научных статьях. Для разработки концептуального подхода указанная к данной проблеме картина представляет собой решение следующих ключевых вопросов: раскрыть онтологическую сущность принуждения как структурного элемента механизма обеспечения реализации гражданско-процессуальных норм, а также осуществить научно обоснованную классификацию различных форм (типов) принуждения, закрепленных в действующем гражданском процессуальном законодательстве.

«Механизм правового регулирования схематично можно представить следующим образом. Государство нормой права наделяет субъекта права (суд, истец, свидетель и т. д.) субъективными правами или возлагает на него юридические обязанности, а участник общественных отношений, осуществляя или исполняя их, действует в соответствии с волей, желанием государства и общества. Поскольку реализация воли, выраженной нормой права, зависит от поведения, действий участников правоотношений, то законодатель постоянно вынужден решать проблему: какими рычагами, средствами, мерами воздействовать на субъекта, чтобы тот исполнял свои юридические (должные) обязанности, соблюдал нормативные предписания?» [3, с. 130]

«Эта цель достигается с помощью следующих форм (методов) влияния на субъекта права:

- посредством правового стимула, т.е. правового побуждения к законопослушному поведению, который создает субъекту режим благоприятствования для удовлетворения собственных интересов;
- посредством правового ограничения, т. е. правового сдерживания противозаконного поведения, создающего условия для удовлетворения интересов других субъектов права в охране и защите;
- посредством государственного принуждения, т.е. специфического воздействия на поведение субъекта, которое направлено на исполнение норм права» [12, с. 530].

Необходимо отметить, что перечисленные механизмы воздействия, стимулирующие правомерное поведение субъекта, присутствуют во всех без исключения аспектах права, хотя и проявляются в них через различные комбинационные условия и модификации.

Государственное принуждение в третьем цикле судопроизводства представляет собой императивный инструментарий регламентации процессуальных правоотношений, укореняющийся в суверенном праве государства применять эффективные меры для обеспечения законности и поддержания правопорядка при рассмотрении и разрешении судебных споров. Данный вид принуждения, являясь опосредованным результатом волеизъявления большинства граждан, закрепленного в статье 3 Конституции Российской Федерации, фактически выступает, пусть и с установлением долей абстрагирования, манифестации общественной воли, ориентированной на защиту прав и охраняемых законом интересов участников избирательного оборота. Детерминирование свобод действий субъектов процессуальных правоотношений, неизбежно сопутствующее реализации государственного принуждения, в парадигме правового государства трансформируется в легитимную юридическую форму посредством нормативного обеспечения положений в циркулярном процессуальном законодательстве. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации не только фиксирует арсенальные меры воздействия, но и устанавливает их нормативно

обусловленные границы, обеспечивает тем самым определение баланса между императивами обеспечения эффективности правосудия и незыблемости фундаментальных прав и свобод личности [13]. Ограничение автономии действий одного субъекта, государственное устройство всегда признается и обеспечивает осуществление законных притязаний иных участников судебного процесса или общественных интересов в целом, что представляет собой непреложное условие сохранения стабильности и справедливости в гражданско-правовой сфере.

«Государственное принуждение в гражданском процессе – это внешнее воздействие на поведение субъекта процессуального правоотношения, призванное обеспечить регулятивную функцию процессуального законодательства. Это специфическая реакция государства на непропорциональное поведение участников судопроизводства. Она нацелена на то, чтобы устранить в судопроизводстве аномалии, привести его в соответствие с требованиями гражданской процессуальной формы.

В принуждении важно видеть феномен, цементирующий гражданское судопроизводство; это необходимый элемент судебной власти, испытанное средство борьбы с процессуальными правонарушениями. Данный феномен отражен во многих статьях ГПК, призванных минимизировать социальные траты на правосудие. Итогом явились определенные ограничения и запреты, обуславливающие нормальное функционирование гражданского процесса, достижение задач и целей судопроизводства и правосудия» [20, с. 33].

В 20-м веке судопроизводства прослеживаются в многообразных формах регулирования, охватывающих широкий спектр мер - от процесса процессуальных ограничений до реализации элементов физического воздействия в отношении участников процессуальных правоотношений. Показательным внедрением процессуального запрета можно считать общепринятую на экономическом этапе практику развития процессуального представительства, характерную для юридических систем различных этносов и государственных образований. Данное ограничение основано на

фундаментальном решении правонарушения как деликта частной собственности и, соответственно, императивного требования персонального действия при защите ущемленного права. В частности, в средневековом германском правовом пространстве выкристаллизовалась юридическая концепция, впоследствии экспансировавшая на европейский ландшафт, включая российскую территорию, согласно которой всякое противоправное действие квалифицировалось как *delictum privatum*. Реституция нарушенных прав при *delictum privatum* осуществлялась потерпевшей стороной через особый судебный институт поединка. Следовательно, непосредственное участие в процедуре, принятой в качестве атрибута доставки правосудия, при этом гражданское судопроизводство трансформировалось в личностную конфронтацию, консеквенции, которые распространяются на всех мужчин родового сообщества. Обозначенное ограничение в составе судебного представительства, сохраняющее юридическую активность вещества до шестнадцатого вещества.

«Переход от запрета процессуального представительства до его полного разрешения совершался в течение довольно продолжительного времени - посредством исключений из первоначального общего правила. В европейских законодательных памятниках, дошедших до современных исследователей, можно найти подтверждение данного вывода. Так, первоначально допускалось судебное представительство вдов, сирот, причем лишь с согласия противной стороны. Сама процедура допуска в процесс судебного представителя стороны предусматривала, что такое действие допускается лишь после начала процесса, когда сторона, лично присутствуя на суде, передавала свои процессуальные полномочия официальному лицу посредством формального акта. Иными словами, законодательство требовало личного присутствия сторон при начале судопроизводства» [16, с. 33].

Принуждение в общефилософском решении представляет собой целенаправленное воздействие на волевою составляющую субъекта для подчинения его поведенческих моделей данным требованиям. Применяя

арсенал принудительных инструментов, государственное оборудование обеспечивает требуемое поведение вопреки намерениям субъектов. Государственное принуждение проявляется исключительно в такой форме, что обуславливает условие конвергенции понятийных категорий «государственное принуждение» и «правовое принуждение».

Принуждение в безопасной плоскости существует исключительно в виде защищенной возможности. Его актуализация происходит в тех условиях, когда альтернативные регуляторные механизмы оказываются закрепленными для гарантирования исполнения юридических императивов. Таким образом, правовая система способна функционировать без повышения мощности инструментария до момента нарушения нормативных требований.

Гражданско-процессуальные правоотношения, разворачивающиеся в сфере социальной жизни, характеризуются степенью конфликтогенности и наличием выраженных социальных антагонизмов. В нынешнем сезоне судопроизводства нередко возникает дисгармония между волеизъявлением процессуальных субъектов и государственной волей, артикулированной в нормативном массиве Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, что проявляется в уклонении от исполнения юридических обязанностей, возложенных на участников судебного производства. В качестве иллюстрации можно указать на неявку свидетеля в судебном заседании при наличии сложного образования, которое квалифицируется как нарушение обязательства, регламентированных статьей 70 ГПК РФ, и связано с затруднениями в установленных фактологических основах дела, которая является тем самым принципом телеологических установок правосудия. Принудительные механизмы в гражданском процессе выводятся фундаментальным компонентом системы, обеспечивающим правильное исполнение процессуальных включений и ориентированы на реализацию задач судопроизводства, эксплицированных в статье 2 ГПК РФ, а именно – на разрешение гражданско-правовых коллизий в соответствии с законодательными нормами и предусмотренными процессуальными сроками.

Принципиально важно отметить, что в ходе рассмотрения любого гражданского дела параллельно функционируют как персуазивные (мотивационные), так и компульсивные механизмы воздействия, причем их соотношение модифицируется в соответствии с практическими требованиями конкретной ситуации [9]. Применение мер принуждения в гражданском судопроизводстве лимитируется доктриной минимальной достаточности процессуального принуждения, согласно которой судебная инстанция вправе прибегнуть к таким инструментам исключительно после исчерпания регулятивного инструментария, с предоставлением исчерпывающего обоснования целесообразности подобных действий.

«Применение мер процессуального принуждения в гражданском судопроизводстве характеризуется рядом черт (признаков), среди которых можно выделить следующие:

- субъектом применения мер принуждения выступает суд, а в случаях, прямо указанных в ГПК, - судья;
- допускается применение только тех принудительных мер, которые определены законом;
- применение принуждения допускается по отношению к субъектам, поименно определенных ГПК;
- принуждение применяется на основании процессуального акта-определения;
- применение мер принуждения осуществляется на основании и в порядке, указанных законом» [12, с. 443].

Ввиду того, что использование инструментов циклического процессуального принуждения неизбежно затрагивает легитимные права и охраняемые правовые интересы как непосредственных участников гражданского судопроизводства, так и участие лиц, действующий нормативный массив обеспечивает юридическую возможность протеста действий судебного органа, сопряженных с имплементацией указанных принудительных критериев. Основываясь на вышеприведенном

аналитическом материале, по-видимому, обоснованно дефинировать гражданское процессуальное принуждение как реализуемое в границах гражданско-процессуальных правоотношений целенаправленное влияние механизмов на «поведенческие модели субъектов процессуальной деятельности, ориентированное на обеспечение, обоснование формирования возложенных на них процессуальных императивов в ситуациях их союзного неисполнения, либо на купирование и предотвращение действий, контрадикторных нормативных установок и создающим препятствия нормальному течению графического оборудования» [22].

«Анализ процессуального законодательства позволяет выяснить, что меры процессуального принуждения различны: например, ГПК предусматривает такие меры принуждения, как штраф, принудительный привод в суд, возложение убытков и др. Данное обстоятельство дает возможность классифицировать меры процессуального принуждения по самым различным основаниям (признакам). Так, классификационными признаками могут быть цель этой меры, основания применения и др.

Наиболее приемлемым основанием для подразделения мер принуждения может быть сам характер применяемых мер процессуального принуждения. И в зависимости от этого они (меры) классифицируются как меры ответственности, меры защиты правопорядка и превентивные меры» [22, с. 443].

Проблема возникновения процессуальной ответственности в парадигме процессуального права не получила однозначного разрешения среди экспертов. В частности, в научно-правовом дискурсе на протяжении всего хронологического периода доминировала концепция, отрицающая самостоятельное возникновение данного юридического института. Генезис теоретического конструкта процессуальной ответственности неразрывно связан с публикацией фундаментального научного труда Н.А. Чечиной и П.С. Элькинд, в котором авторами сформулирован основополагающий постулат о том, что процессуальная ответственность представляет собой составную часть

метода правового регулирования и, в определении с прочими структурными элементами, конституирует дифференцирующий юридический атрибут уровня права.

«В отличие от других мер обеспечения эффективности правосудия по гражданским делам, процессуальная ответственность обусловлена признанием «упречности» поведения субъекта процессуальных правоотношений и возложением на него дополнительных обременений или ущемлением прав. К числу важнейших черт этого вида юридической ответственности можно отнести следующие:

- фактическим ее основанием выступает процессуальное правонарушение как вид юридического факта;
- юридическим ее основанием являются нормы гражданского процессуального права, предусматривающие как нарушенную обязанность субъекта процессуальных отношений, так и меру ответственности;
- субъектом ответственности может быть только участник гражданских процессуальных правоотношений, если иное не предусмотрено законом (например, ответственность государства за вред, причиненный судом в сфере гражданского судопроизводства);
- ответственность выражается в форме охранительного правоотношения между судом и нарушителем норм гражданского процессуального законодательства» [22, с. 443].

Каждый вид юридической ответственности имеет свою специфику, которая в отношении процессуальной ответственности проявляется в следующем:

- «процессуальное правонарушение может повлечь за собой не только процессуальную ответственность по правилам норм ГПК, но и ответственность иного вида;
- нормы ГПК могут предусматривать меры ответственности другой отраслевой принадлежности, поскольку, как утверждает

С.С. Алексеев, законодатель при решении правотворческих задач руководствуется в ряде случаев не только логикой права, но иными потребностями – социально-политическими, чисто классификационными соображениями, законодательными традициями, рекомендациями научных учреждений и др.» [3, с. 64].

Отличительная форма процессуальной нормативной материи заключается в отсутствии эксплицитной регламентации репрессивных принципов за невыполнение обязательств, возложенных на субъектов гражданского судопроизводства. Указанная конкретная юридические нормы, закрепленные в Гражданском процессуальном кодексе, определяет правовую коллизию, в результате чего массиву процессуальных императивов не сопутствует инструментарий государственно-принудительного воздействия, что инициирует в юридической сфере полемику о легитимности экстраполяции судебных процессуальных норм по аналогам. Солидаризуясь с научной концепцией борьбы с возможностями реализации инструментов гражданского процессуального принуждения по аналогии, автор акцентирует внимание на конгруэнтности данной теоретической конструкции, сформировавшей юридический фундамент. Учитывая это, необходимо принять во внимание, что феномен принуждения в гражданско-правовой сфере характеризуется отличительными атрибутивными качествами, обусловленными спецификой отраслевой методологии и частноправовым характером перспективной юридической науки.

«Гражданско-правовое регулирование есть прежде всего реализация диспозиций норм и лишь затем во вспомогательных целях – санкций норм. Это само по себе означает ослабленность принуждения в данной отрасли права» [7, с. 152].

В.Ф. Яковлев постулирует, «что сущностной целью гражданско-правового принуждения является побуждение субъекта, допустившего правонарушение, к элиминации негативных последствий деликта и реституции нарушенного субъективного права лица, пострадавшего от

противоправного деяния. Таким образом, принудительные меры в гражданско-правовой сфере преимущественно ориентированы на восстановление нарушенного правового состояния, а не на применение карательных санкций. Необходимо отметить, что санкции, предусмотренные охранительными нормами гражданского законодательства, зачастую имплементируются правонарушителем в добровольном порядке. Основанием для применения принудительных мер в отношении участников гражданских правоотношений служит неправомерное поведение, сопряженное с отсутствием добровольной реституции нарушенного права. Следовательно, допустимо заключить, что в рамках гражданско-правового регулирования принуждение выступает инструментом, обеспечивающим реализацию мер воздействия, направленных на лицо, совершившее правонарушение» [8].

«Правовое принуждение реализовывается не столько государством в лице юрисдикционного органа, сколько частными субъектами гражданско-правового отношения» [3, с. 82; 4, с. 92]. В связи с этим Д.Н. Бахрах отмечает: «Негосударственные организации и физические лица... могут применять меры принуждения на основе правовых норм, а также своих уставов, корпоративных норм, соответствующих законодательству» [3, с. 83].

Исследование существенных характеристик показателей воздействия в гражданско-правовой плоскости приводит аргументационные основания в использовании категоризации указанных принуждений как явления правового, а не государственного порядка, вопреки концептуальным конструкциям О.Э. Лейста. Доктринальное понимание государственного принуждения исторического коррелирует с эманацией компульсивных мер, обеспечивающей публичную власть. Тем не менее, принудительный механизм, функционирующий в рамках правоотношений, характеризуется более диверсифицированной природной и социальной инновационностью. Юридическая сущность принуждения проявляется в его социальной направленности, ригористической детерминированности нормативно-правовым массивом, гарантированной возможности применения

компульсивного инструментария не только государственными институтами, но и частноправовыми субъектами, а также наличии юридических гарантий реализации принудительных мероприятий. Совокупность упомянутых факторов свидетельствует о том, что принуждение в гражданском правовом поле определялось исключительно нормативно-правовыми императивами, а не исключительно волеизъявлением государственного обращения.

«Принуждение в гражданском праве реализуется в рамках охранительного правоотношения, и В.Ф. Яковлев последовательно исходит из того, что основанием возникновения такого правоотношения является гражданское правонарушение. К субъектам охранительного правоотношения относится не государство, как в публично-правовых отраслях права, а правонарушитель и потерпевшее лицо. Поскольку охранительное правоотношение возникает вследствие правонарушения, субъективное право управомоченного лица представляет собой право притязания, которое обеспечивается государственным принуждением» [8, с. 215].

В аналитических конструкциях исследователя прослеживается артикуляция двух фундаментальных аспектов. В первую очередь, представляется методологически корректным диалектически обосновать возможность «субсидиарного» осуществления государственно-принудительного воздействия в области гражданско-правовых отношений. Вместе с тем, невозможно разделить концептуальные воззрения, согласно которым основополагающим фундаментом любого охранительного правоотношения выступает нарушение гражданского права. Юридическое правонарушение выступает лишь в качестве базиса для имплементации мер правовой защиты. Однако, наряду с институтом ответственности, функционируют и иные охранительные правоотношения, в рамках которых принудительный инструментарий реализуется даже при отсутствии правонарушения, основываясь на иных юридически значимых предпосылках. Данная теоретическая позиция В.Ф. Яковлева может интерпретироваться сквозь призму преимущественной концентрации научного внимания

исследователей на институциональном комплексе ответственности в гражданско-правовой сфере.

«Существование гражданского правонарушения обусловлено нарушением субъективного права лица, которое и является объектом противоправного поведения. Гражданское право не позволяет применять санкции против любого противоправного поведения или против любого правонарушителя, то есть нарушения объективного права для возложения ответственности недостаточно. Меры применяются строго против такого лица, которое своим действием или бездействием нарушает субъективное право потерпевшего» [8, с. 215].

«Противоправным является также поведение, которое противоречит условиям договора, даже если такой договор соответствует нормам законодательства. Более того, причисление к источникам гражданского права обычаев делового оборота влечет признание противоправным такого поведения, которое нарушает сложившиеся и широко применяемые в области предпринимательской деятельности правила поведения, хотя бы они и не были предусмотрены законом» [7, с. 164].

Согласно окончательной конструкции, сформулированной В.С. Таким образом, гражданско-правовые последствия представляют собой нормативно закрепленные либо юридически санкционированные методы правового воздействия, направленные на субъекта, допустившего противоправную деятельность, или на его имущественно-правовую сферу. Реализация указанного инструментария осуществляется посредством деятельности государственных органов, легитимизированных ими структур либо непосредственно искомым правообладателем, преследующим комплекс телеологических установок: во-первых, интерцепция противозаконного поведенческого акта; во-вторых, ликвидация деструктивных консеквенций правонарушения путем реституции статус-кво, то есть положения юридического и материально-имущественного состояния, подвергнувшегося посягательству стороны, существовавших до момента совершения

правонарушения; в-третьих, установка имущественных обременений в отношении деликвента; и, в-четвертых, компульсивное стимулирование правонарушителя к осуществлению действий неимущественной природы, ориентированных на удовлетворение законных интересов осужденного преступника.

Н.В. Витрук подразделил «юридические гарантии, обеспечивающие реализацию норм права, на гарантии реализации прав и обязанностей и гарантии их охраны. Как отмечает В.Ф. Яковлев, меры принуждения относятся ко второй категории юридических гарантий» [8, с. 214].

Апелляция к юридическому инструментарию составляющих характера в области гражданско-правовых взаимодействий приобретает принципиальное значение, поскольку данный механизм целенаправленно направлен на купирование противозаконных действий, ущемляя легитимные права участников товарного обращения, а вместе с тем – на создание благоприятной причины для воплощения указанных прав, ревитализации возникновения правового статуса-кво и нивелирования отрицательных последствий судебных делинквентностей. В этом случае принудительные меры в цивилистическом поле выступают в качестве гарантии защиты от случайных повреждений. Уникальным свойством гражданско-правовой регламентации является многообразие принудительных принципов, выходящих за рамки исключительно ретрибутивных мер, что обуславливает вариативность возможных форм гражданских правоотношений. Ключевыми участниками правоотношений, возникающих при реализации принудительного инструментария, выступают виновный субъект и делинквент. При этом цивилистическое законодательство легитимирует возможность аппликации мер принуждения к лицу, не являющемуся непосредственным нарушителем субъективных прав, в ситуациях, когда воздействие на прямого правонарушителя представляется нереализуемым либо неэффективным, что служит юридическим основанием для формирования института субсидиарной

ответственности родителей за действия несовершеннолетних, механизма поручительства или банковского гарантирования.

Имплементация принудительных механизмов базируется на юридической доктрине паритетности, проявляющейся в условиях взаимообусловленности и эквивалентности мер для участников правоотношений. Охранительные инструменты равнодоступны для любого субъекта правоотношений, чьи законные интересы подверглись ущемлению.

Иной атрибутивной характеристикой принудительных мер выступает их диспозитивная сущность при предоставлении опций использования специфических инструментов для конкретных правовых взаимодействий. При этом дискреционный потенциал лимитируется либо элиминируется в соответствии с императивами применения отдельных видов принуждения (в частности, компенсации причиненного ущерба).

«В отличие от уголовно-правового регулирования, цивилистические принудительные меры не ориентированы на личность правонарушителя. Характер защитных механизмов строго имущественный. Данное положение означает, что даже нематериальные блага защищаются в гражданском праве посредством имущественного инструментария, если нарушение нематериального права (в частности, авторского) повлекло негативные финансово-экономические последствия. Вместе с тем, гражданское право может активировать и немущественные средства защиты при их эффективности для восстановления нарушенного права. К подобным средствам относятся признание авторства, восстановление чести и человеческого достоинства» [7].

«По общему правилу и противоправность, и причинная связь с отрицательным результатом относятся к необходимым условиям для применения принудительных мер. Однако в некоторых случаях закон допускает возможность использования в гражданском праве принудительных мер в отсутствие одного или нескольких объективных или субъективных элементов правонарушения. Кроме того, в исключительных случаях

принуждение применяется для защиты прав и интересов лица даже в отсутствие всех элементов правонарушения» [7, с. 172]. К примеру, хотя односторонний отказ заказчика от договора подряда является законным, статья 717 Гражданского кодекса РФ обязывает компенсировать подрядчику ущерб, возникший вследствие заключения договорных отношений. Компенсация вреда субъектом, возникшая в форме другого лица, предусматривается также при отсутствии полного состава правонарушения со стороны «заинтересованной» стороны. Такое положение обусловлено необходимостью не только обеспечивать защиту интересов физических и юридических лиц, но и мотивировать их к явным действиям в отношении третьих лиц.

Следовательно, государственное принуждение в гражданском процессуальном праве представляет собой форму внешнего воздействия на поведенческие аспекты участников процессуальных правоотношений, направленную на обеспечение эффективного применения регулятивного механизма процессуального законодательства. По сути, это реакция государственного аппарата на ненадлежащее поведение лиц, имеющее место в судебном разбирательстве.

Применение мер государственного принуждения осуществляется судебными гарантиями в процессе рассмотрения гражданско-правовых споров и цели обеспечения надежной защиты процессуальных прав участников, а также обеспечение соблюдения установленного порядка доставки правосудия и достижения фундаментальных целей гражданского судопроизводства.

1.2 Понятие и правовая природа мер процессуального принуждения в гражданском судопроизводстве

В контексте гражданского судопроизводства суд наделен полномочиями применять определенные меры процессуального принуждения, ориентированные на обеспечение исполнимости судебных постановлений и соблюдение установленного процессуального порядка. Существующий в

Гражданском процессуальном кодексе перечень таких мер не является закрытым. Будучи эффективным инструментом оперативного противодействия нарушителям процессуальных предписаний, указанные меры способны кардинально трансформировать юридический статус участников процессуальных правоотношений, что выступает лимитирующим фактором при анализе перспектив расширения диапазона мер процессуальной ответственности [31], поскольку радикальная модификация процессуального положения субъекта юрисдикционной деятельности потенциально создает препятствия для результативного достижения целевых ориентиров и решения задач, стоящих перед судебной инстанцией.

Таксономию мер процессуальной ответственности целесообразно структурировать на две частично интерсекционные и комплементарные категории:

- меры ответственности персонального неимущественного характера;
- меры ответственности имущественной направленности.

К первой категории мер гражданской процессуальной ответственности относятся следующие:

- предупреждение субъекту, игнорирующему установленный регламент в процессе судебного разбирательства (п. 1 и 3 ст. 159 ГПК);
- эвакуация из помещения судебного заседания (п. 2 ст. 159 ГПК);
- принудительный привод (п. 2 ст. 168 ГПК).

Упомянутые принудительные инструменты направлены непосредственно на индивидуума-правонарушителя, не затрагивают его экономическую сферу и ориентированы на компульсивную реализацию им своих процессуальных императивов. Существенно отметить, что в строгой юридической интерпретации предупреждение проблематично квалифицировать как инструмент ответственности; его методологически точнее идентифицировать как превентивную меру пресечения в гражданском процессе, предшествующую последующей юридической ответственности нарушителя. Иными словами, предупреждение логически должно предварять

имплементацию иных мер гражданской процессуальной ответственности, в частности, штрафных санкций.

Вторая категория мер процессуальной ответственности включает [6]:

- наложение штрафа в ситуациях и размерах, регламентированных законодательством (ст. 105 ГПК);
- взыскание компенсации за фактическую потерю времени (ст. 99 ГПК) [26];
- лишение возможности получения причитающихся правонарушителю денежных сумм (например, в отношении свидетеля при применении к нему мер, предусмотренных ст. 168 ГПК).

Модернизация нормативной архитектуры мер правового принуждения требует скрупулезного учета специфики процессуальных императивов: исполнение определенных из них позволяет гарантировать участникам юрисдикционного процесса не сингулярное действие, а комплексную констелляцию гетерогенных по своей социальной динамике активностей. В частности, согласно ст. 85 ГПК эксперт обязуется присутствовать на судебном заседании и представить объективное профессиональное заключение. Законодатель артикулирует двойной императив для эксперта: первично, обеспечить личное присутствие в судебном органе; вторично, оформить в письменном виде аналитический ответ на сформулированные вопросы.

Дифференцированность процессуальных консеквенций, возникающих при неисполнении экспертом предписанных обязательств, не вызывает сомнений. Отсутствие по вызову судебного органа детерминирует нарушение процессуальной темпоральности, тогда как отказ от формирования заключения (либо предоставление заведомо недостоверного заключения) генерирует фундаментальные препятствия для отправления правосудия. Имплементируемые меры противодействия противоправным деяниям характеризуются вариативной степенью общественного резонанса, что обуславливает дифференцированность мер принуждения. Если отсутствие без легитимных причин по вызову суда служит юридическим основанием для

наложения штрафа на эксперта (при неявке по повторному вызову – для инициации привода) (п. 2 ст. 168 ГПК), то представление фальсифицированного заключения квалифицируется как уголовно наказуемое деяние.

Теоретическая концептуализация процессуальной ответственности базируется на более фундаментальной категории юридической ответственности, интерпретируемой как юридически институционализированная обязанность субъекта, совершившего правонарушение, претерпевать негативные правовые последствия, манифестирующиеся в лишениях персонального или имущественного характера. Такая трактовка предполагает, что функциональность юридической ответственности коррелирует с наступлением для правонарушителя неблагоприятных консеквенций, что обосновывает рассмотрение ответственности как механизма, обеспечивающего ретроспективную оценку предшествующего поведения. Тем не менее, в современной юриспруденции кристаллизовался альтернативный концептуальный подход, экспандирующий содержательные границы процессуальной ответственности, интерпретирующий ее как интегративную систему двух комплементарных компонентов: позитивной (активной, перспективной) и негативной (пассивной, ретроспективной) ответственности.

В.В. Бутнев полагает, что «позитивная процессуальная ответственность – это возложенная на участника гражданского процесса необходимость точно исполнять свои процессуальные обязанности и использовать предоставленные ему права в соответствии с их назначением» [4, с. 13-17]. В научный оборот вводится категория, обозначающая долженствование участника гражданского судопроизводства.

Отвергая многословные аргументы, выразим однозначную позицию: отсутствуют весомые основания для признания явления позитивной ответственности, поскольку данный теоретический конструкт не отражает какое-либо реально существующее юридическое явление в правовой

действительности. При детальном анализе так называемая позитивная ответственность фактически не трансформирует содержательную структуру формируемого правоотношения, а по существу сводится к уже нормативно установленной процессуальной ответственности участников гражданского судопроизводства. Соответственно, теоретические построения позитивной правовой защиты, включая процессуальный аспект, целесообразно рассматривать исключительно как объект историко-правовых изысканий. Научно-теоретические разработки, с нашей точки зрения, не должны включать их в качестве структурно-функционального компонента [14].

«Меры процессуальной ответственности представляют собой закрепленные Гражданским процессуальным кодексом охранительные механизмы правового воздействия, применяемые в отношении субъектов гражданского судопроизводства за несоблюдение процессуальных требований и устанавливающих юридических предписаний, предусматривающие различные ограничения, обусловленные административными полномочиями. Вектор их эволюционного развития должен определяться с учетом базовых функций юридической ответственности, среди которых особо выделяются праввосстановительная и штрафная (карательная). Указанные функции пребывают, как правило, в состоянии диалектического взаимодействия. Подобное взаимодействие подчиняется закономерности: чем выше степень опасности процессуального правонарушения, тем более значимую роль должен играть штрафной элемент судебной защиты» [5]. Иными словами, законодатель, формируя систему мер процессуальной ответственности, непременно должен руководствоваться фундаментальным принципом экономии репрессии, о котором столь убедительно писал С.В. Курылев: «Расточительно и неумно ставить воинскую часть на охрану дровяного склада - здесь достаточно замка. Наоборот, по меньшей мере легкомысленно в охране государственных границ ограничиваться замком на шлагбауме, пересекающем границу. Так же необходимо решать вопрос и при выборе форм охраны субъективных прав и интересов граждан и организаций» [5, с. 176].

Концепция допустимости доказательного материала интегрирована в систему гражданского судопроизводства, «а также в комплекс юридических механизмов, обеспечивающих правопорядок при осуществлении правосудия. Указанный институт направлен на регулирование ситуаций, связанных с нарушением процессуальных прав участников судебного процесса в процессе сбора доказательственной базы. Конституция Российской Федерации устанавливает категорический запрет, адресованный судебной инстанции: При осуществлении судопроизводства не допускается использование доказательств, полученных с нарушением федерального законодательства» (п. 2 ст. 50). Текстуальное толкование данной правовой конструкции позволяет сформировать вывод о том, что уровень сложности нормативного регулирования, определяющего процедуру формирования доказательственного массива, не подлежит учету. Данное заключение согласуется с положениями п. 2 ст. 55 ГПК. В соответствии с законодательной моделью, любое отступление от требований процессуального кодекса, допущенное при получении доказательственной информации, влечет недопустимость таких юридических доказательств, то есть они лишаются юридической силы и не могут выступать фундаментом для принятия судебных актов.

Закономерен вопрос: все ли процессуальные нарушения должны иметь одинаковые процессуальные последствия? Возможен альтернативный подход, предполагающий классификацию процессуальных явлений на внешних и несущественных основаниях с дифференциацией юридической судьбы соответствующих доказательств. Однако подобная методология представляется менее обоснованной, поскольку содержит потенциальные риски субъективизма при квалификации степени тяжести нарушения законодательства, допущенного в процессе получения доказательственной информации.

Глава 2 Виды мер процессуального принуждения в гражданском судопроизводстве

2.1 Меры процессуального принуждения, носящей личный неимущественный характер

Судопроизводственные механизмы России и иностранных юрисдикций в настоящий период претерпевают интенсивное и многогранное реформирование, ориентированное на оптимизацию функционирования судебных органов, повышение качественных показателей рассмотрения правовых споров, минимизацию процедурных временных интервалов и сокращение расходной составляющей. Принцип состязательности судебного производства, особенно в цивилистической плоскости, предопределяет фундаментальную важность института юридической ответственности как ключевого инструментария его обеспечения и практической имплементации. Однако, невзирая на осуществляемые преобразования, современная практика разрешения конфликтов демонстрирует значительное количество процессуальных девиаций, допускаемых участниками судопроизводства.

Социально-экономический контекст значимости института юридической ответственности в правовой парадигме в целом и цивилистическом процессе в частности представляется аксиоматичным. Деградация эффективности юридической ответственности и экспансия процессуальных правонарушений неминуемо детерминирует снижение качественного уровня разрешения конфликтов, эскалацию социальной напряженности, стагнацию гражданского оборота и экономического развития, редуцирование инвестиционных потоков и прочие негативные последствия. Примечательно, что «степень доверительного отношения граждан к судебной системе Российской Федерации по-прежнему характеризуется крайне низкими показателями. Преднамеренное введение в заблуждение процессуальных оппонентов в цивилистическом судопроизводстве до настоящего момента

даже не квалифицируется как процессуальное правонарушение. Кроме того, одной из декларируемых задач недавних судебных реформ является снижение нагрузочных параметров судебного аппарата, что, в свою очередь, должно способствовать оптимизации бюджетных ассигнований на обеспечение его функционирования. Интенсификация результативности института юридической ответственности и редукция количественных показателей процессуальных правонарушений должны оказать существенное влияние на уменьшение судебной нагрузки» [29]. Между тем, характерологические особенности последней судебной реформы и модификации гражданского процесса свидетельствуют о непринятии законодателем во внимание вышеуказанного аспекта [29, с. 33].

В текущей правовой реальности отсутствует специальное Постановление Пленума Верховного Суда РФ, затрагивающее аспекты применения мер юридической ответственности за процессуальные правонарушения. Существующие разъяснения Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ носят частичный характер, некоторые из них изданы довольно давно и противоречат действующему процессуальному законодательству. Прослеживается явная неоднородность судебной практики по вопросам реализации мер процессуальной ответственности за недобросовестное процессуальное поведение, несвоевременное или неполное предоставление доказательственных материалов, затягивание судебного процесса. Так, достаточно результативная и давно закреплённая в арбитражном процессе норма о праве суда отклонить ходатайство или заявление при недобросовестном процессуальном поведении используется судами сравнительно редко, в том числе из-за отсутствия ясного представления о механизме её дифференциации с более «традиционным», но формально действующим разъяснением Высшего Арбитражного Суда РФ о необходимости принятия судом даже несвоевременно представленных доказательств. В настоящий момент среди практикующих юристов и представителей адвокатского сообщества фактически сложилось устойчивое

мнение, что строгое и добросовестное соблюдение всех процессуальных норм ставит сторону в заведомо невыгодное положение по сравнению с оппонентом, использующим недобросовестную процессуальную стратегию.

Вышеизложенные обстоятельства могут рассматриваться как индикаторы определенного кризисного состояния института юридической ответственности в цивилистическом процессе.

«Меры цивилистической процессуальной ответственности в свою очередь подразделяется на: меры фиктивной юридической ответственности, меры процессуального принуждения, отводы и ответственность в виде иных неблагоприятных последствий» [16, с. 77].

Процессуальный институт ограничения выступления участника судебного разбирательства получил нормативное закрепление в п. 1 и 1.1 ст. 159 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации. Законодатель определяет конкретный перечень процессуальных деликтов (самовольное вмешательство в установленную последовательность выступлений, употребление грубых выражений и иные нарушения), влекущих за собой применение ограничительных мер в отношении процессуального статуса участника.

Предупреждение как специфический инструмент процессуальной ответственности имеет собственную функциональную нишу в гражданском судопроизводстве. Анализируя содержательную конструкцию ст. 159 ГПК РФ, необходимо отметить, что предупреждение выступает исключительно в качестве предварительного этапа перед «возможным удалением нарушителя процессуального порядка из пространства судебного заседания. В данном контексте представляется целесообразным обратиться к нормативной модели, реализованной в административном судопроизводстве. Так, ст. 119 Кодекса административного судопроизводства РФ сконструирована таким образом, что предупреждение функционирует как автономная санкция, которая может предшествовать не только удалению, но и применению альтернативных мер процессуальной ответственности либо использоваться независимо от них.

Последний вариант представляется более обоснованным с точки зрения юридической техники, однако требует дополнительной регламентации относительно допустимости/недопустимости применения судебным органом повторного предупреждения» [27], возможность которого, по нашему мнению, целесообразно исключить из правоприменительной практики.

В системе гражданского судопроизводства институт удаления из пространственной локации судебного заседания может быть реализован как в форме исключения присутствия на весь хронологический период судебного заседания, так и на отдельную его временную составляющую.

«Как и всякая принудительная мера, процедура закрытого судебного заседания ставит вопрос о средствах обеспечения избранного судом режима рассмотрения дела, вопрос о последствиях нарушения такого режима. Как известно, если за правовым предписанием, в том числе процессуальным, не стоят реальные меры обеспечения его исполнения, то такое предписание приобретает декларативный характер» [27, с. 333].

В современной юриспруденции проблематика нарушений режима закрытого судебного заседания традиционно анализировалась главным образом через призму правовых последствий некорректно избранной процессуальной формы рассмотрения дела. Верховный Суд Российской Федерации в п. 23 своего Постановления квалифицирует подобные нарушения в гражданском судопроизводстве как "условно-отменительные" основания для аннулирования судебных актов, то есть влекущие отмену решения по мотиву несоблюдения процессуального законодательства исключительно при установлении причинно-следственной связи между допущенным нарушением и вынесением неправомерного решения либо вероятностью такого результата. В плоскости арбитражного процессуального права нормотворцем предложен более нюансированный подход, порождающий определенные теоретические дискуссии. В ситуации, когда правовой спор надлежало рассматривать в режиме закрытого судебного заседания, однако ошибочно он был рассмотрен в открытом режиме, данное нарушение относится к категории условных

нарушений процессуальных предписаний аналогично конструкции гражданского процесса. Однако когда дело рассматривалось в закрытом судебном заседании при отсутствии фактических и правовых предпосылок для применения данного процессуального режима, такое нарушение трактуется как безусловное основание для отмены судебного акта со ссылкой на ч. 4 ст. 270 и ч. 4 ст. 288 АПК РФ (п. 26 Постановления Пленума ВАС РФ от 8 октября 2012 г. N 61 "Об обеспечении гласности в арбитражном процессе", далее - Постановление N 61). Данное разъяснение, несмотря на формальное противоречие с исчерпывающим перечнем оснований для безусловной отмены судебного акта, закрепленных в АПК РФ, заслуживает поддержки как с позиции теоретической аргументации, так и с точки зрения практической ценности. Сходную позицию можно обнаружить и в современных научных исследованиях.

Вопрос об ответственности за нарушение установленного режима закрытого судебного заседания носит комплексный, многогранный характер. В данной области возможно применение механизмов уголовно-правового воздействия. В частности, согласно ст. 155 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ) уголовно-наказуемым деянием признается разглашение тайны усыновления (удочерения).

В Законе РФ от 21 июля 1993 г. N 5485-1 "О государственной тайне" в качестве субъектов ответственности за нарушение законодательства России о государственной тайне определены должностные лица и граждане, подлежащие различным видам юридической ответственности: уголовной, административной, гражданско-правовой, дисциплинарной (абз. 1 ст. 26). Аналогичная система видов юридической ответственности закреплена в ч. 1 ст. 14 Федерального закона от 29 июля 2004 г. N 98-ФЗ "О коммерческой тайне". Процессуальная ответственность не получила отдельного выделения в указанных нормативно-правовых актах, однако её применение не исключается имманентным характером правового регулирования соответствующих общественных отношений. Важно подчеркнуть, что предметом нашего

научного анализа выступает не ответственность за нарушение законодательства о государственной тайне, а ответственность за нарушение судебного определения, установившего закрытый формат процессуального рассмотрения правового спора.

В актуальной судебной практике подобные процессуальные отклонения обычно квалифицируются как нарушение процедурного порядка судебного заседания и рассматриваются в качестве проявления неуважения к суду. Характерным примером служит Определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 5 октября 2022 г. N 88-15523/2022, вынесенное по результатам рассмотрения кассационной жалобы Л. на Определение Кыштымского городского суда Челябинской области от 22 июня 2022 г. и Апелляционное определение Челябинского областного суда от 9 августа 2022 г. об отказе в сложении судебного штрафа, наложенного на Л. за нарушение процессуального порядка в судебном заседании, в котором указывалось: «Л. (далее также заявитель) обратился в суд с заявлением о сложении судебного штрафа, наложенного определением Кыштымского городского суда Челябинской обл. от 13.05.2022 в размере 5 000 руб. В обоснование заявитель указал, что неуважения к суду не проявлял. По мнению заявителя, законных оснований для удаления его из зала судебного заседания и наложения на него судебного штрафа у суда не имелось. Судами установлено, что 13.05.2022 допрошенный в закрытом судебном заседании по гражданскому делу по иску о защите чести, достоинства, деловой репутации, компенсации морального вреда в качестве свидетеля Л. нарушал порядок в судебном заседании, отказался после допроса покинуть зал судебного заседания. При этом Л. неоднократно было разъяснено, что рассмотрение гражданского дела проводится в закрытом судебном заседании, в связи с чем он не может оставаться в зале судебного заседания после его допроса, о чем он был предупрежден судом, на замечания сотрудников службы судебных приставов не реагировал, зал судебного заседания покинуть отказался» [20].

Поскольку одно и то же правонарушение не может одновременно квалифицироваться по нормам различных процессуальных деликтов, необходимо определить, какой из вариантов квалификации является более предпочтительным. Возможны следующие варианты квалификации.

«Поведение, нарушающее порядок судебного заседания (ч. 3 ст. 156, ст. 158 ГПК РФ), в широком смысле может включать в себя и совершение действий (бездействия), сопряженных с нарушением формата рассмотрения дела. Однако нарушение режима закрытого судебного заседания необязательно сопряжено с нарушением порядка судебного заседания. Лицо может и не нарушать порядок в смысле совершения каких-либо действий, отклоняющихся от стандартов поведения в общественных местах» [3, с. 130].

Неподчинение процессуальному определению судебной инстанции относительно режима рассмотрения правового спора допустимо квалифицировать и в категориях такого процессуального деликта, как проявление неуважения к суду (ч. 3 ст. 159 ГПК РФ). Неподчинение императивным требованиям судебного органа, определившего процессуальный формат рассмотрения дела, представляет собой очевидную демонстрацию неподчинения властным предписаниям судебной системы, а также потенциально создает угрозу законным интересам иных участников процессуальных правоотношений.

«Представляется обоснованным считать, что именно последний вариант квалификационной оценки наиболее корректен с теоретико-правовой точки зрения, несмотря на продолжающиеся в научной среде дискуссии относительно содержательного наполнения и демаркационных границ концепта «неуважение к суду». Подобные процессуальные нарушения затрагивают основополагающие принципы отправления правосудия, посягают на процессуальные правила фундаментального характера, имеющие системообразующее значение для всего судопроизводственного механизма» [30, с. 133].

Согласно телеологическому толкованию ч. 3 ст. 159 ГПК РФ, «проявление неуважения к суду интерпретируется как частный случай нарушения установленного порядка в судебном заседании. Автономные меры юридической ответственности за подобные процессуальные нарушения в рамках данной законодательной нормы не предусмотрены. В противоположность этому, в арбитражном процессуальном законодательстве нарушение регламентированного порядка в пространстве судебного заседания и проявление неуважения к судебному органу конструируются как дифференцированные процессуальные деликты, что представляется более обоснованным с позиции юридической техники» [30].

Необходимо акцентировать внимание на том обстоятельстве, что анализируемые в настоящей статье противоправные действия (бездействие) должны характеризоваться наличием умышленной формы вины. Субъект сознательно пренебрегает процессуальными требованиями судебного органа относительно установленного формата рассмотрения дела по различным субъективным мотивам: несогласие с процессуальной позицией суда, восприятие судебных действий как несправедливых, попытка оказать воздействие на процессуальный ход рассмотрения правового спора и прочие. В ситуации, когда аналогичные действия совершены по неосторожности, применение юридической ответственности исключается. Иллюстративным примером может служить ситуация, когда лицо появилось на судебном заседании, не обладая информацией о том, что судом ранее было вынесено процессуальное определение о рассмотрении правового спора в режиме закрытого судебного заседания.

Процессуальные нарушения подобного характера, как правило, требуют оценки не после их фактического совершения, а в режиме реального времени в процессе их непосредственной реализации. «Представляется малоэффективным применение юридической ответственности, имеющей ретроспективный характер, поскольку процессуальное правонарушение уже состоялось. Приоритетное значение имеет своевременное выявление и

пресечение такого процессуального деликта до момента его фактического завершения. Тем более юридически необоснованными являются попытки использовать факты действительных и мнимых процессуальных нарушений в качестве формального повода для отмены судебного решения, о чем частично уже говорилось ранее» [15, с. 87].

В качестве иллюстрации можно привести Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 17 марта 2006 г. N 3-Г06-5, которым было оставлено без изменения решение Верховного суда Республики Коми от 23 января 2006 г., а кассационная жалоба Д.А.Н. оставлена без удовлетворения. Заявитель обращался с требованием о признании незаконным отказа Управления Федеральной службы безопасности по Республике Коми в допуске к государственной тайне и компенсации причиненного морального вреда. В числе прочих доводов, судом был отклонен аргумент заявителя о том, что «секретарь судебного заседания в нарушение ч. 3 ст. 10 ГПК РФ об ответственности за разглашение сведений, составляющих государственную тайну, не предупреждена и подписка судом не отобрана».

«Нарушение процессуального режима рассмотрения юридического спора в закрытом судебном заседании может быть детерминировано особенностями оборота процессуальных и иных документов, ставших предметом рассмотрения, оглашения, представления, исследования и правовой оценки. Режим ограничения их распространения проистекает из закрытого характера рассмотрения дела. В частности, если субъекты отсутствуют в пространстве судебного заседания вследствие закрытого характера рассмотрения дела, однако получают процессуальную возможность ознакомиться с протоколом судебного заседания, то закрытый режим рассмотрения дела оказывается нарушенным. Аналогичная ситуация может возникать при ознакомлении с любым другим процессуальным документом (отзывом на исковое заявление, письменной фиксацией речи участника в судебных прениях и др.).

При отсутствии подобных процессуальных ограничений режим оборота процессуальной документации не подлежит специальной регламентации. И тем более такой режим не может служить юридическим основанием для предъявления искового требования, как это имело место в следующем судебном деле» [18].

Решением Таганского районного суда г. Москвы от 15 октября 2020 г. были отклонены исковые требования Н. к ООО «Поколение» о признании действий незаконными, взыскании компенсации морального вреда. В обоснование требований истец ссылается на то, что «05.11.2019 в ходе судебного заседания по гражданскому делу N 2-4814/2019, рассматриваемому Перовским р-ным судом г. Москвы, представителем ответчика предъявлен отзыв на иск, в котором была разглашена тайна частной жизни истца. Также при выступлении в судебном заседании представитель ответчика, используя недопустимые высказывания, разгласил тайну частной жизни и врачебную тайну. Указанными действиями ответчика истцу причинены нравственные страдания». Из материалов дела следует, что в производстве Перовского р-ного суда г. Москвы находилось гражданское дело N 2-4814/19 по иску Н. к ООО «Поколение» о признании незаконным бездействия ответчика в виде непредоставления истцу в установленной законом форме информации о медицинских услугах, оказанных 4 декабря 2015 г., взыскании компенсации морального вреда, по которому решением в иске Н. отказано. По мнению истца, «сведения, составляющие личную и врачебную тайну, содержались в следующих высказываниях представителя ответчика: «В ноябре 2015 г. уважаемая Ф.И.О. и Н. обратились к нашему лечащему врачу - репродуктологу-акушеру-гинекологу, который разъяснил им возможность проведения программ ЭКО, были даны, соответственно, рекомендации о привлечении партнеров данных лиц, но, несмотря на это, данные лица позиционировали себя как семью, и они заявили врачу, что хотят пройти эту программу, в связи с тем что у В. были определенные осложнения», - и в ряде других выражений. Суд первой инстанции, проанализировав выражения,

которые использовались представителем ответчика для выражения своей правовой позиции при рассмотрении гражданского дела, сделал вывод, что «использованные представителем ООО «Поколение» формулировки не могут быть расценены как разглашение тайны личной жизни или врачебной тайны» (Апелляционное определение Московского городского суда от 20 января 2021 г. по делу N 33-958/21) [2].

Комплексным механизмом процессуального воздействия на субъектов, демонстрирующих нежелание соответствовать требованиям закрытого судебного разбирательства, выступает их выдворение из помещения судопроизводства. Подобное выдворение автоматически подразумевает невозможность повторного входа в судебное присутствие. В текущих правовых реалиях гражданское и арбитражное судопроизводство рассматривают выдворение исключительно как дисциплинарную меру за деструктивное поведение или игнорирование правомерных указаний председательствующего, причём её имплементация допускается лишь после предварительного оповещения (часть 2 статьи 159 Гражданского процессуального кодекса РФ, часть 4 статьи 154 Арбитражного процессуального кодекса РФ). В существующей формулировке данный инструмент малоэффективен для гарантирования конфиденциальности закрытого рассмотрения дела, поскольку императив предшествующего предостережения никоим образом не способствует поддержанию режима закрытого судебного заседания. Выдворение из помещения судебного разбирательства должно осуществляться незамедлительно вслед за отклонением предложения освободить зал судебного заседания на добровольных началах.

Инструмент выдворения не охватывает ситуации, когда заседание изначально декларируется закрытым, в особенности при возобновлении слушания в закрытом формате после приостановления или временного прекращения судебного процесса. Учитывая, что выдворить возможно исключительно фактически присутствующее лицо, необходимо легализовать

такой инструментарий, как превентивный отказ в допуске на судебное разбирательство. Для легитимизации данного правового механизма представляется целесообразным внести соответствующие коррективы в процессуальное законодательство.

2.2 Меры процессуального принуждения имущественного характера

«Неуважение к суду влечет наложение судебного штрафа (ч. 3 ст. 159 ГПК РФ). Субъекты штрафной ответственности – это как лица, участвующие в деле, так и лица, не являющиеся участниками процесса.

Меры ответственности не всегда способны пресечь неправомерное поведение, в связи с чем возникает вопрос о мерах процессуального принуждения, с помощью которых можно было бы обеспечить режим закрытого рассмотрения дела» [28, с. 88].

Примечательно отметить, что закрытый формат судебного разбирательства сам выступает мерой воздействия при множественных нарушениях регламента присутствующими в процессе гражданами (часть 5 статьи 159 ГПК РФ). После их отстранения рассмотрение дела продолжается в конфиденциальном режиме. Подобное нормативное решение вызывает определенные сомнения. Логично предположить, что здесь происходит смешение двух принципиально различных юридических конструкций – дисциплинарного взыскания в форме изгнания из помещения судопроизводства и особого порядка закрытого разбирательства дела. Если участник подвергается принудительному удалению из зала за допущенный им проступок, это вовсе не трансформирует заседание в закрытое. Данный субъект лишается возможности присутствовать на процессе не вследствие введения секретного режима рассмотрения, а по причине наступления негативных последствий его ненадлежащего поведения, то есть испытывает на себе действие юридических санкций. Процесс сохраняет публичный характер,

однако нарушитель утрачивает доступ к разбирательству, создавая ситуацию фактической закрытости исключительно в отношении себя.

«Исследование российского процессуального законодательства и судебной практики демонстрирует, что судебные органы порой злоупотребляют инструментами процессуальной ответственности за различные проявления неуважительного поведения участвующих или присутствующих лиц, иногда даже вне контекста судопроизводства. Ряд исследователей подчеркивает, что симптомом процессуальной безответственности выступает либо дефицит регламентирующих норм о процессуальной ответственности, либо их чрезмерная множественность, что подрывает фундаментальные принципы судопроизводства, такие как паритетность и состязательность процессуальных оппонентов и независимость судебной власти» [30, с. 77].

Часть 3 статьи 13 ГПК РФ фиксирует положение о том, что игнорирование судебного предписания, равно как и любое иное проявление неуважения к суду, влечет за собой санкции, предусмотренные федеральным законодательством. Тем самым законодатель интерпретирует неисполнение судебного постановления (судебного приказа, решения, определения, постановления Президиума Верховного Суда РФ, изданного в порядке надзора) как одну из манифестаций неуважения к судебному органу. К прочим формам выражения неуважения к суду, предполагающим наложение денежного взыскания, относятся юридические ситуации, предусмотренные частью 3 статьи 57, частью 2 статьи 140, статьей 162, частью 2 статьи 168, частью 2 статьи 226, 431 ГПК РФ. Особого внимания заслуживает дискреционное правомочие суда применять финансовые санкции согласно части 3 статьи 159 ГПК РФ в отношении лиц, участвующих в деле, и иных присутствующих субъектов за демонстрацию неуважения к судебному органу, с существенной оговоркой: если совершенные деяния не образуют состава уголовного преступления. Следовательно, можно констатировать, что в ГПК РФ отсутствует дефиниция понятия «неуважение к суду» («проявление

неуважения к суду)), а ответственность за подобные действия трактуется крайне расширительно.

В процессуалистике обращается внимание на то, что семантика понятий «нарушение порядка в зале судебного заседания» и «проявление неуважения к суду» содержательно не идентична.

«В АПК РФ и ГПК РФ, идентично КАС РФ, закреплена ответственность за неуважение к суду, за которую участвующим в деле лицам предусмотрено денежное взыскание. Аналогичная санкция распространяется на субъектов, находящихся в зале процесса. К данной форме ответственности могут быть привлечены вышеупомянутые лица при условии, что их деяния не квалифицируются как уголовно наказуемые (часть 2 статьи 122 КАС РФ, часть 5 статьи 119 АПК РФ). Однако при этом нормативно не конкретизированы действия (бездействие) указанных лиц, которые суд вправе интерпретировать как неуважительные. Таким образом, анализируя положения АПК РФ, ГПК РФ, КАС РФ, необходимо заключить, что, предусматривая механизм наложения судебного штрафа за неуважение к судебной власти, законодатель оставил за пределами регулирования признаки состава данного правонарушения, ограничившись указанием на то, что эти действия не являются оскорблением суда и иных участников процесса (то есть не влекут возможность уголовного преследования)» [21, с. 30].

В этом контексте целесообразно обратиться к пункту 19 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О применении судами мер процессуального принуждения при рассмотрении административных дел» от 13.06.2017 № 21, «где применительно к административному судопроизводству раскрывается содержание концепта «неуважение к суду». Неуважение к суду констатируется при совершении лицом действия или бездействия, которое недвусмысленно демонстрирует пренебрежение к регламенту поведения, установленному в судебном учреждении. Эти действия могут материализоваться, например, через использование непристойной лексики в процессуальном документе, представленном суду, даже если эти выражения не содержат прямого

оскорбления суда, участников процесса или содействующих правосудию персон. Иной иллюстрацией неуважения к суду Пленум называет многократную подачу идентичного ходатайства, по которому суд уже вынес и огласил определение, при отсутствии трансформации обстоятельств данного дела или иных объективных предпосылок. Верховный Суд РФ специально подчеркивает, что если субъектом совершены действия или бездействие, за которые действующее процессуальное законодательство предусматривает ответственность в иных нормах, они не могут быть квалифицированы как неуважение к суду. К таким действиям необходимо отнести непредоставление доказательств, запрошенных судом; отсутствие в суде лица, которое было должным образом уведомлено, причем суд признал явку обязательной. Не могут интерпретироваться как неуважение к суду деяния, образующие состав уголовного преступления» [16, с. 33].

Несмотря на то, что в разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ присутствуют ориентиры относительно того, какие действия (бездействие) квалифицируются как неуважение к суду, в региональной юриспруденции судебная практика формируется весьма разнообразно. В правоприменительной деятельности встречаются эпизоды применения судебных денежных взысканий за систематическое игнорирование распоряжений председательствующего в процессе, что приводит к дезорганизации регламента судебного заседания (определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 18.08.2023 № 8817997/2023), несоблюдение свидетелем требования покинуть пространство судебного заседания при конфиденциальном рассмотрении дела (определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 05.10.2022 № 88-15523/2022, 8/1-1/2022), обценную лексику в адрес судебных должностных лиц (апелляционное определение Суда Ямало-Ненецкого автономного округа от 25.11.2021 по делу № 33-2550/2021), многократное заявление отвода судье без надлежащей аргументации и использование обценной лексики (определение Пермского краевого суда от 27.09.2023 по делу № 33а-10504/2023, 2а-

2819/2023), ненормативные, уничижительные высказывания и прочие недопустимые вербальные формулировки в адрес председательствующего (апелляционное определение Свердловского областного суда от 21.07.2022 по делу № 33а-10443/2022).

ГПК РФ, подобно АПК РФ, устанавливает, что демонстрация неуважения к судебной власти является автономным основанием для наложения денежного взыскания, однако они предусматривают и иные предпосылки для применения судебного штрафа (часть 3 статьи 57, часть 1 статьи 85, часть 2 статьи 140, статья 162, часть 2 статьи 168, часть 2 статьи 226, статья 431 ГПК РФ).

«Для корректного разграничения неуважения к суду как самостоятельного фундамента процессуальной ответственности в виде денежного взыскания от иных процессуальных оснований наложения судебного штрафа целесообразно следовать правовой доктрине Конституционного Суда РФ, согласно которой участники судопроизводства обязаны демонстрировать почтительное отношение к судебному органу как институту судебной власти, осуществляющему от имени государства правосудие, в противном случае неуважительное поведение дестабилизирует саму процедуру юридического рассмотрения дела. Соответственно, деструктивные для самого процесса действия участников надлежит квалифицировать в данном случае именно как манифестацию неуважения к судебной власти» [1, с. 30].

В научно-юридическом дискурсе актуализировалась полемика относительно демаркации концептуальных границ между институтами «злоупотребление правом» и «неуважение к суду». Противоречие обнаруживается в взаимосвязи данных правовых конструкций и правомерности применения соответствующих санкционных механизмов. Представители первого направления аргументируют позицию, согласно которой дискредитация авторитета судебной власти, происходящая вследствие злоупотребления процессуальными правами [32], создает легитимные

основания для квалификации таких действий как проявления неуважения к суду с последующим наложением имущественных санкций в форме судебного штрафа на субъекта соответствующего правонарушения. Альтернативная концепция, отстаиваемая оппонирующей группой теоретиков права, базируется на недопустимости экстенсивного истолкования нормативных положений о неуважении к судебной власти и их распространения на ситуации злоупотребления процессуальными правами. Сторонники данного подхода акцентируют внимание на онтологическом различии рассматриваемых юридических феноменов, подчеркивая их гетерогенность как в контексте правовой природы, так и в аспекте наступающих юридических последствий, отрицая возможность отождествления злоупотребления процессуальными правами с формой выражения неуважения к судебной инстанции.

Обобщая вышеизложенное аналитическое исследование, представляется методологически обоснованным сформулировать концептуальный вывод о том, что в современной российской правовой системе существует настоятельная необходимость не только в нормативной кодификации и легальном закреплении юридической дефиниции «неуважение к суду» с чётким определением её содержательных характеристик и конститутивных признаков, но и в разработке и последующей имплементации унифицированных, научно аргументированных оснований и видовых категорий процессуальной ответственности за различные проявления неуважительного, деструктивного поведения в отношении судебной инстанции и других процессуальных субъектов при осуществлении юрисдикционного рассмотрения гражданско-правовых споров. Законодательное совершенствование института процессуальной ответственности за неуважение к суду будет способствовать не только повышению эффективности отправления правосудия по гражданским делам, но и укреплению авторитета судебной власти в российском обществе, что является необходимым условием построения правового государства и формирования гражданского общества.

Глава 3 Проблемы применения мер процессуального принуждения в гражданском судопроизводстве и пути их решения

3.1 Характеристика основных проблем применения мер процессуального принуждения

Юридическая ответственность возникает за совершенное правонарушение. Она может быть направлена на принудительное исполнение возложенных на субъектов права в силу закона обязанностей в случае их неисполнения, на восстановление нарушенного правового состояния (восстановительно-компенсационная ответственность), а также направлена на воздействие на правонарушителя в виде наказания за совершенное правонарушение (карательно-штрафная ответственность).

Инструменты юридической ответственности нельзя отождествлять с категорией санкции правовой нормы, которая совместно с гипотезой и диспозицией формирует триединую структуру любой нормативной конструкции. Вместе с тем санкционный элемент норм гражданского процессуального права не исчерпывается применением мер ответственности, а охватывает также иные механизмы гражданского процессуального принуждения [12, с. 33].

«В фундаментальной теории права и государства, равно как и в отраслевой юриспруденции, исследователи традиционно выделяют следующие разновидности (модальности) государственного принуждения:

инструменты предупредительного характера (профилактические, превентивные);

- средства пресекающего воздействия;
- механизмы процессуального обеспечения;
- способы защиты и рестораторные меры;
- формы юридической ответственности в качестве карательных санкций».

В правоведческой доктрине юридическая ответственность интерпретируется многоаспектно: и как материализация санкций нормативных предписаний, и как инструментарий государственного принуждения, применяемого к делинквенту, и как исполнение нарушенной обязанности под прессингом государственного воздействия, и как императивная необходимость правонарушителя претерпеть юридически неблагоприятные консеквенции и проч.

В научном дискурсе отсутствует консенсуальная позиция относительно юридической ответственности в судопроизводственной сфере, включая проблематику признания автономного вида гражданской процессуальной ответственности и релевантных ей мер воздействия. Некоторые теоретики придерживаются мнения об отсутствии гражданской процессуальной ответственности как таковой, иные, признавая её существование, дискутируют о применимых в её рамках санкционных механизмах.

В соответствии с научной позицией Н.В. Витрука, процессуальная ответственность представляет собой инструмент государственного принуждения, содержательная направленность которого ориентирована на ренормализацию хода судебного процесса (судопроизводства), элиминацию каких-либо обструкций, потенциальных воздействий на суд, на участников процесса либо может по содержательному наполнению являться карательной реакцией за противоправное поведение в рамках процесса.

Основанием юридической ответственности в процессе также будет являться правонарушение. «Основанием процессуальной ответственности служит процессуальное правонарушение, т.е. невыполнение процессуальных правил того или иного вида судопроизводства».

К гражданским процессуальным нарушениям некоторые авторы относят неуважение к суду и злоупотребление процессуальными правами.

«Проявленное неуважение к суду, влекущее наложение судебного штрафа, и злоупотребление процессуальными правами образуют самостоятельные, хотя и схожие по объекту, деликты. Так, всякое

злоупотребление правом в определенном смысле свидетельствует о проявленном неуважении к суду, однако повальная квалификация всех злоупотреблений в качестве неуважения к суду не будет способствовать точности квалификации действий нарушителя.

Неуважение к суду, понимаемое в узком смысле, образует объективную сторону состава преступления по ст. 297 УК РФ, т.е. это непосредственно оскорбление судьи, присяжного заседателя или иного лица, участвующего в отправлении правосудия, а также участников судебного разбирательства» [21, с. 330].

Образует ли введение в заблуждение суда в гражданском и арбитражном судопроизводстве состав правонарушения, является ли оно разновидностью неуважения суда и/или злоупотреблением процессуальными правами?

А.В. Юдин под злоупотреблением процессуальными правами как особой формой гражданского (арбитражного) процессуального правонарушения понимает умышленные недобросовестные действия участников гражданского (арбитражного) процесса (а в отдельных случаях и суда), сопровождающиеся нарушением условий осуществления субъективных процессуальных прав и совершаемых лишь с видимостью реализации этих прав, а также сопряженных с обманом в части известных обстоятельств дела, в целях нарушения либо ограничения прав других лиц, участвующих в деле, или в целях воспрепятствования деятельности суда по правильному и своевременному рассмотрению и разрешению гражданского дела (экономического спора).

Заблуждение – это неправильное, ошибочное представление о чем-либо; обман - намеренное введение других в заблуждение.

«Заблуждение – это неправильное, извращенное отражение предметов, явлений в сознании человека, ложная мысль или совокупность мыслей, которые субъект принимает за истинные. Заблуждение по существу всегда основывается на неверности самих посылок... Источник заблуждения коренится в природе самого человеческого разума, способного ставить вопросы, но не способного их разрешить в силу ограниченности своей

природы». Введение в заблуждение может быть умышленным (в этом случае оно тождественно обману) либо неумышленным результатом заблуждения само субъекта (который вводит в заблуждение), его невнимательности, легкомыслия, небрежности.

Введение в заблуждение суда возможно относительно фактов, имеющих материально-правовое значение и процессуальное значение. Оно проявляется, как правило, в виде искажения информации о «фактах, в том числе путем фальсификации доказательств, и (или) умолчания о них (например, представитель не сообщил суду информацию о прекращении действия доверенности, истец не сообщил суду об известном ему фактическом адресе пребывания ответчика)» [22, с. 77].

Ответственность за обман суда (умышленное введение в заблуждение) предусмотрена УК РФ, в том числе ст. ст. 303 (за фальсификацию доказательств по гражданскому, административному делу лицом, участвующим в деле, или его представителем, а также доказательств по делу об административном правонарушении участником производства по делу об административном правонарушении или его представителем), 307 (за заведомо ложные показания, заключение эксперта, специалиста или неправильный перевод), 308 (за отказ свидетеля от дачи показаний). При рассмотрении уголовных дел о фальсификации доказательств судам рекомендовано учитывать особенности доказывания в различных видах судопроизводства, установленные в АПК РФ, ГПК РФ, КАС РФ, КоАП РФ, УПК РФ (п. 11 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2022 N 20 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия», далее - Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2022 N 20). Уголовная ответственность возникает при умышленном введении суда в заблуждение, тогда как добросовестное заблуждение заявителя относительно фактических обстоятельств исключает умышленный характер действий и наступление уголовной ответственности.

При совершении фальсификации доказательств лицом, участвующим в рассмотрении судом гражданского дела, или его представителем, в том числе по делам, отнесенным к компетенции арбитражных судов, а равно прокурором или защитником по уголовному делу объективная сторона преступления, предусмотренного ч. 1, 2 ст. 303 УК РФ, состоит, в частности, в умышленных действиях по представлению ими соответственно должностному лицу, органу, осуществляющему производство по делу об административном правонарушении или по уголовному делу, либо суду в качестве доказательств заведомо поддельных предметов и документов. Заведомо ложные заключение или показание эксперта, показание специалиста, а равно заведомо неправильный перевод в суде заключаются, в частности, в таких умышленных действиях, как искажение специалистом в своих показаниях действительных обстоятельств, имеющих значение для доказывания, неправильное отражение экспертом в заключении результатов проведенного исследования, искажение переводчиком смысла переведенного текста, а также в бездействии в тех случаях, когда, например, специалист или эксперт в ответах на поставленные им вопросы не сообщают (умалчивают) о существенных для дела обстоятельствах, о которых им известно или которые были установлены ими в ходе исследования, либо когда переводчик осуществляет неполный перевод (п. п. 13, 23 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2022 N 20).

КоАП РФ содержит нормы, устанавливающие административную ответственность за некоторые правонарушения в гражданском процессе (ст. 17.3: неисполнение законного распоряжения судьи о прекращении действий, нарушающих установленные в суде правила; ст. 17.4: непринятие мер по частному определению или постановлению суда, представлению судьи), однако не предусматривает ответственности за введение суда в заблуждение.

Могут ли иные случаи умышленного введения суда в заблуждение (обман), не попадающие в сферу уголовного преследования, и неумышленное введение суда в заблуждение, влечь иные виды юридической ответственности в процессе, в том числе гражданской процессуальной ответственности?

Одной из наиболее распространенных форм злоупотребления процессуальными правами является намеренное введение суда в заблуждение.

Р.Т. Алиев, О.А. Хатунцев полагают, что такая форма злоупотребления процессуальными правами, как сообщение ложных сведений, является самой неоднозначной ввиду неопределенности правовых последствий, которые могут наступить вследствие такого злоупотребления, они предлагают считать недобросовестным поведением, если при реализации процессуальных прав лицом искажаются либо представляются ложные сведения [1, с. 44].

В тексте Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации отсутствует отдельная нормативная дефиниция, устанавливающая автономный режим ответственности за дезинформацию судебного органа участниками судопроизводственного процесса и иными лицами, находящимися в сфере юрисдикционной компетенции суда.

Согласно положениям статьи 35 ГПК РФ субъекты, принимающие участие в деле, обладают правом представления доказательственного массива, предоставления объяснений судебному органу в устном и письменном форматах, использования иных процессуальных возможностей, гарантированных законодательством о гражданском судопроизводстве. На них возлагается обязательство добросовестной реализации всего спектра принадлежащих им процессуальных прерогатив. Данные субъекты несут процессуальные обязанности, закрепленные в ГПК РФ и прочих федеральных нормативных актах. В случае уклонения от исполнения процессуальных обязательств наступают юридические последствия, предусмотренные гражданским процессуальным законодательством. Конституционной прерогативой каждого индивида является гарантия от самоинкриминации, следовательно, освобождение от обременений и ответственных механизмов, свойственных правовому статусу свидетеля. Объяснительные заявления сторон и третьих лиц подвергаются верификации и оценочному анализу суда в совокупности с иными доказательственными материалами. В ситуации, когда сторона, обремененная бременем доказывания своих

притязаний или возражений, удерживает имеющиеся у неё доказательства и уклоняется от их представления суду, судебный орган уполномочен обосновать свои умозаключения объяснениями процессуального оппонента (статья 68 ГПК РФ). В соответствии с общей нормативной конструкцией части 1 статьи 56 ГПК РФ каждая сторона должна аргументировать те фактические обстоятельства, на которые она ссылается в качестве фундамента своих требований и возражений, если иное не предусмотрено федеральным законодательством. Нормотворец использует здесь терминологическую конструкцию «должна» вместо формулировки «обязана» осознанно и целенаправленно. ГПК РФ не предусматривает такого процессуального обязательства лица, участвующего в судебном разбирательстве, в содержательном наполнении процессуального правоотношения как императивное представление доказательственных материалов, что необходимо дифференцировать с обязанностью предоставления доказательств по властному требованию суда (часть 2 статьи 13, части 2, 3 статьи 57, статья 105 ГПК РФ).

Обязанность предоставлять правдивую, достоверную информацию установлена для лиц, содействующих осуществлению правосудия: свидетелей (ст. ст. 70, 176 ГПК РФ); экспертов (ст. ст. 80, 171 ГПК РФ); переводчиков (ст. 162 ГПК РФ); специалистов (ст. 171 ГПК РФ), невыполнение которыми указанной обязанности влечет уголовную ответственность.

Заявительное обращение процессуальных участников о фальсификационной природе приобщенного к материалам дела доказательства порождает юридическую обязанность судебной инстанции предложить сторонам представить альтернативные доказательственные материалы либо инициировать проведение экспертного исследования (статья 186 ГПК РФ). Доказанный факт предоставления фальсифицированных документов может повлечь привлечение к уголовно-правовой ответственности.

В части 3 статьи 13 ГПК РФ фиксируется положение об ответственности, регламентированной федеральным законодательством (подразумевающей все

разновидности юридической ответственности) за неисполнение судебного акта, а также любое иное проявление неуважения к судебной власти. Как отмечалось ранее, в академической среде отсутствует консолидированная позиция по вопросу легитимности существования гражданской процессуальной ответственности и её инструментарии.

Согласно научной концепции Н.В. Витрука, помимо финансово-принудительных мер ГПК РФ предусматривает и такие инструменты гражданско-процессуальной ответственности, как предостережение, принудительное отстранение от участия в судебном заседании лица, вовлеченного в судебное дело, или его представителя, а также граждан, присутствующих при отправлении правосудия, на весь период судебного разбирательства или его фрагмент, при этом рассмотрение правового казуса осуществляется при закрытых дверях либо слушание дела откладывается, обязательная доставка свидетеля при его неявке на судебный процесс без уважительной аргументации по повторному вызову.

В соответствии с теоретической позицией Д.Г. Нохрина, к мерам ответственностного воздействия как реагирования государства на совершение правонарушения могут быть причислены исключительно судебные штрафные санкции, предостережение, принудительное удаление из пространства судебного разбирательства, денежная компенсация за непроизводительную потерю времени [10]. Первые три инструмента по своей юридической сущности относятся к административно-правовой сфере, последняя мера имеет гражданско-правовую природу.

«Глава 8 ГПК РФ регулирует применение штрафа как меры гражданской процессуальной ответственности. Судебные штрафы налагаются судом в случаях, предусмотренных ГПК РФ. К таким случаям (гражданским процессуальным правонарушениям) относятся следующие» [29, с. 230].

- невыполнение должностными лицами и гражданами без уважительных причин требования суда о представлении

- доказательств или неизвещение о невозможности предоставить истребуемое доказательство (ч. 3 ст. 57);
- невыполнение требования суда, назначившего экспертизу, о направлении заключения эксперта в суд в установленный срок (ч. 1 ст. 85);
 - нарушение назначенных в качестве мер обеспечения иска запрещений ответчиком и другими лицами (ч. 2 ст. 140);
 - нарушение порядка в судебном заседании (ч. 3 ст. 159);
 - уклонение переводчика от явки в суд или от надлежащего исполнения своих обязанностей (ч. 4 ст. 162);
 - неявка без уважительных причин в судебное заседание свидетеля, эксперта, специалиста, переводчика (ч. 2 ст. 168);
 - несообщение о принятых мерах по частному определению (ч. 2 ст. 226);
 - злоупотребление своими процессуальными правами или невыполнение своих процессуальных обязанностей лицом, которое ведет дело в интересах группы лиц (ч. 3 ст. 244.22);
 - утрата должностным лицом переданного ему на исполнение исполнительного листа или судебного приказа (ст. 431).

Как видно, за неумышленное введение суда в заблуждение штраф не предусмотрен.

В соответствии со ст. 99 ГПК РФ со стороны, недобросовестно заявившей неосновательный иск или спор относительно иска либо систематически противодействовавшей правильному и своевременному рассмотрению и разрешению дела, суд может взыскать в пользу другой стороны компенсацию за фактическую потерю времени. Историческое толкование анализируемой нормы приводит к выводу [17], что компенсация может быть взыскана в настоящее время только с недобросовестной проигравшей стороны (Определение Третьего кассационного суда общей

юрисдикции от 10.10.2024 N 88-21447/2024, Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 04.10.2024 N 88-19184/2024, Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 18.01.2021 N 88-961/2021) в пользу выигравшего дело физического лица [23; 24; 25].

Компенсация за потерю времени относится к мерам ответственности в гражданском судопроизводстве [33]. Однако мнения специалистов разделились, некоторые относят ее к мерам гражданской процессуальной ответственности, другие – к мерам гражданско-правовой ответственности. Конституционный Суд РФ находит, что «положения статьи 99 ГПК Российской Федерации направлены на предупреждение злоупотребления лицами, участвующими в деле, своими процессуальными правами и тем самым - на защиту прав добросовестных участников процесса и не могут рассматриваться как нарушающие какие-либо их конституционные права» (Определение Конституционного Суда РФ от 18.07.2017 N 1666-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Нефедова Андрея Юрьевича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 98, статьей 99 и частью первой статьи 100 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации»).

О.Н. Диордиева интерпретирует санкционное положение статьи 99 ГПК РФ как гражданско-процессуальную санкцию материально-имущественного характера.

Преднамеренная дезинформация судебного органа путем предоставления недостоверных сведений субъектами, содействующими отправлению правосудия, а также посредством фальсификации доказательственного материала лицами, вовлеченными в судебный процесс, и их юридическими представителями генерирует основания для уголовно-правового преследования.

Процессуальная нормативная база устанавливает императивное требование для субъектов, участвующих в судебном разбирательстве, добросовестно реализовывать процессуальные прерогативы, что имплицитно

включает и необходимость представления суду верифицированной информации, однако не предусматривает процессуальных санкционных механизмов за несоблюдение данного обязательства.

До момента, когда юридический состав правонарушения за дезинформирование суда не получит нормативной фиксации в процессуальном законодательстве, дискурс об ответственных последствиях за подобные действия в гражданском процессуальном и арбитражном процессуальном праве возможен исключительно в парадигме злоупотребления процессуальными возможностями.

В свою очередь, отсутствует консенсуальная точка зрения о наличии в актуальном процессуальном нормативном массиве санкционных механизмов, функционирующих в качестве инструментов процессуальной ответственности за недобросовестное использование процессуальных прав [15, с. 44].

В текущий период трансформируется характер взаимодействия между судебным органом и сторонами спора, ориентируя на коллаборативное сотрудничество в разрешении правового конфликта, развитие conciliatory процедур, что требует повышения уровня взаимного доверия. С альтернативной позиции, нельзя игнорировать и оставлять без адекватного реагирования такие деструктивные явления, как сутяжническая активность, инициирование необоснованных исковых требований, пренебрежение требованиями гражданского процессуального права и прочие злоупотребления субъектов [34], вовлеченных в судопроизводство. Одним из эффективных механизмов реагирования в данном контексте может стать правовой институт распределения убытков, обусловленных необходимостью задействия для разрешения спорной ситуации судебной формы защиты правовых интересов, включая нормативные положения о компенсаторных выплатах за фактическую потерю временного ресурса.

3.2 Пути совершенствование мер процессуального принуждения в гражданском судопроизводстве

Пути совершенствования мер процессуального принуждения в гражданском судопроизводстве требуют комплексного подхода, учитывающего многогранную природу юридической ответственности и особенности её применения в рамках судебного процесса. Юридическая ответственность, возникающая за совершенное правонарушение, служит не только средством восстановления нарушенного правового состояния и принуждения к исполнению обязанностей, возложенных законом, но и инструментом воздействия на правонарушителя с карательно-штрафной целью. Важным аспектом является разграничение понятий юридической ответственности и санкции правовой нормы, поскольку последние включают в себя не только меры ответственности, но и иные формы процессуального принуждения [11].

Современная юридическая наука выделяет несколько основных форм государственного принуждения, применяемых в гражданском процессе: меры предупреждения, пресечения, процессуального обеспечения, защитные и восстановительные меры, а также меры юридической ответственности в виде наказаний. Несмотря на разнообразие форм, в правоприменительной практике наблюдается отсутствие единой концепции относительно существования и самостоятельного статуса гражданской процессуальной ответственности. Одни исследователи отрицают её самостоятельность, другие же признают, но спорят о конкретных мерах, применяемых в её рамках.

Особое внимание следует уделять квалификации процессуальных правонарушений, таких как неуважение к суду и злоупотребление процессуальными правами. Несмотря на схожесть их объектов, данные деяния требуют дифференцированного подхода для точного установления состава правонарушения и адекватного применения мер принуждения. Чрезмерное обобщение злоупотреблений процессуальными правами как проявления

неуважения к суду может привести к искажению правоприменительной практики и снижению эффективности процессуальных санкций [19, с. 11].

В целях совершенствования мер процессуального принуждения целесообразно развитие нормативной базы с учётом дифференциации видов процессуальных нарушений, повышение квалификации судей и участников процесса в вопросах квалификации правонарушений и применения соответствующих мер, а также внедрение механизмов, способствующих более оперативному и справедливому реагированию на процессуальные нарушения. Кроме того, необходимо продолжать научные исследования, направленные на формирование единой теоретической концепции гражданской процессуальной ответственности, что позволит выработать более чёткие критерии и стандарты применения мер процессуального принуждения в гражданском судопроизводстве.

Введение в заблуждение суда. Заблуждение – это неправильное или ошибочное представление о фактах или обстоятельствах. Оно может быть как неумышленным (ошибка, невнимательность), так и умышленным (обман). Обман – это умышленное введение другого лица в заблуждение, в том числе суда. Введение суда в заблуждение может касаться фактов, имеющих материально-правовое (суть дела) и процессуальное значение (например, доказательства, процессуальные действия).

Введение суда в заблуждение относится к процессуальным правонарушениям и может квалифицироваться как:

- неуважение к суду — если действия носят умышленный характер, нарушают уважение к суду, препятствуют его деятельности;
- злоупотребление процессуальными правами — когда участник процесса использует свои права не для защиты своих интересов, а с целью обмана, затягивания или иного вреда.

Актуальной проблемой является противодействие фальсификации доказательств и умышленному введению суда в заблуждение, что подрывает доверие к судебной системе и нарушает принципы справедливого

разбирательства. В российском законодательстве, включая Уголовный кодекс (ст. 303 УК РФ), предусмотрена уголовная ответственность за фальсификацию доказательств, что выражается в умышленных действиях по представлению заведомо поддельных предметов, документов, ложных заключений экспертов, искажении показаний специалистов и переводчиков. Однако в гражданском процессуальном законодательстве отсутствуют четкие нормы, непосредственно регулирующие ответственность за умышленное введение суда в заблуждение, если действия не подпадают под уголовное преследование.

Административное законодательство (КоАП РФ) содержит нормы, предусматривающие ответственность за нарушение процессуальных правил, например, за неисполнение законных распоряжений судьи, однако не охватывает случаи обмана суда. Это создает правовой пробел, который способствует злоупотреблению процессуальными правами, особенно в форме сообщения ложных сведений, что, по мнению ряда ученых, следует квалифицировать как недобросовестное поведение, требующее разработки специальных механизмов реагирования. Отсутствие в Гражданском процессуальном кодексе (ГПК РФ) самостоятельной нормы об ответственности за введение суда в заблуждение усложняет возможность применения адекватных мер процессуального принуждения.

В этой связи важным направлением совершенствования является введение в гражданский процессуальный кодекс норм, прямо регулирующих ответственность за недобросовестное поведение, связанное с искажением или сокрытием доказательств, а также за ложные показания и иные действия, направленные на обман суда. Необходимо также усиление процессуальных гарантий, обеспечивающих эффективную проверку и оценку доказательств, включая повышение роли суда в контроле за добросовестностью сторон и третьих лиц, а также расширение полномочий по применению санкций в отношении лиц, нарушающих процессуальные обязанности. Важным аспектом является развитие правового института процессуальной

ответственности, предусматривающей не только уголовные и административные меры, но и специальные меры гражданско-правового характера, направленные на предотвращение злоупотреблений и защиту интересов участников процесса и судебной системы в целом.

Таким образом, совершенствование мер процессуального принуждения в гражданском судопроизводстве должно базироваться на комплексном законодательном регулировании, обеспечивающем баланс между защитой прав участников процесса и необходимостью поддержания высокой степени объективности и добросовестности судебного разбирательства. Это позволит повысить эффективность гражданского судопроизводства, укрепить доверие к судебной власти и создать более надежные механизмы противодействия процессуальным злоупотреблениям.

Заключение

Представим итоговые заключения проведенного исследования. Принуждение в обобщённом понимании представляет собой властное воздействие на волю индивида с целевой ориентацией подчинить его поведенческие модели конкретным нормативным требованиям. Применяя комплекс принудительных инструментов, государственный механизм обеспечивает нормативно-соответствующее поведение вопреки личностному волеизъявлению субъекта. Государственное принуждение реализуется посредством правового принуждения, следовательно, понятийные категории «государственное принуждение» и «правовое принуждение» по существу идентичны.

Принудительный элемент в праве присутствует как потенциальная перспектива, скрытая угроза. Он материализуется в обстоятельствах, когда иные регулятивные механизмы оказываются неэффективными для гарантирования исполнения юридического обязательства. Таким образом, правовая система способна функционировать без задействования принудительного инструментария вплоть до момента нарушения нормативных предписаний.

Гражданско-процессуальные правоотношения, функционирующие в социально-правовой сфере, характеризуются повышенным конфликтогенным потенциалом и наличием антагонистических социальных противоречий. В юрисдикционной плоскости гражданского судопроизводства возможно возникновение коллизионной ситуации между волеизъявлением участников процесса и государственной волей, кодифицированной в нормативных положениях Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, что манифестируется в игнорировании юридических обязанностей, возложенных на процессуальных субъектов.

Важным направлением совершенствования является введение в гражданский процессуальный кодекс норм, прямо регулирующих

ответственность за недобросовестное поведение, связанное с искажением или сокрытием доказательств, а также за ложные показания и иные действия, направленные на обман суда. Необходимо также усиление процессуальных гарантий, обеспечивающих эффективную проверку и оценку доказательств, включая повышение роли суда в контроле за добросовестностью сторон и третьих лиц, а также расширение полномочий по применению санкций в отношении лиц, нарушающих процессуальные обязанности. Важным аспектом является развитие правового института процессуальной ответственности, предусматривающей не только уголовные и административные меры, но и специальные меры гражданско-правового характера, направленные на предотвращение злоупотреблений и защиту интересов участников процесса и судебной системы в целом.

Таким образом, совершенствование мер процессуального принуждения в гражданском судопроизводстве должно базироваться на комплексном законодательном регулировании, обеспечивающем баланс между защитой прав участников процесса и необходимостью поддержания высокой степени объективности и добросовестности судебного разбирательства.

Список используемых источников и используемой литературы

1. Алиев Р. Т. Процессуально-правовые последствия нарушения режима закрытого судебного заседания участниками гражданского процесса / Юрист. 2024. № 5. С. 55-60.
2. Апелляционное определение Московского городского суда от 20 января 2021 г. по делу N 33-958/21. URL: <https://mosgorsud.ru/mgs/cases/docs/content/2347b0e0-5b34-11eb-9591-fb0be192fb56> (дата обращения: 14.05.2025).
3. Апелляционное определение Московского городского суда от 20 января 2021 г. по делу N 33-958/21//СудАкт
4. Ахмадиева Г. Р. Частное определение суда как процессуальная санкция в гражданском судопроизводстве / Российское право: образование, практика, наука. 2024. № 1. С. 62-68.
5. Батурина Н. А. Некоторые причины неэффективности нормы процессуального закона о взыскании компенсации за фактическую потерю времени // Российский судья. 2022. № 6. С. 9 - 14.
6. Баринов А. В., Лукашина А. Э. Взыскание компенсации за потерю времени в гражданском процессе: проблемы правоприменительной практики / Вестник Владимирского юридического института. 2021. № 2(59). С. 23-27.
7. Бартош И. Н. Взыскание компенсации за фактическую потерю времени: теория и практика / Международный научный вестник. 2024. № 1. С. 85-88.
8. Борисенко Ю. С. Проблемы взыскания компенсации за фактическую потерю времени в гражданском судопроизводстве и основные направления их устранения // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Право». 2020. № 2. С. 91 - 101.
9. Бортникова Н. А. Компенсация за фактическую потерю времени как разновидность судебных издержек в гражданском судопроизводстве // Общество. Закон. Правосудие. 2021. № 2. С. 19 - 25.

10. Бекишиев В. А. Взыскание компенсации за потерю времени как мера гражданской процессуальной ответственности / Конституционные основы и международные стандарты гражданского судопроизводства: история, современное состояние и пути совершенствования: сборник статей по материалам XIII Международной научно-практической конференции студентов, магистрантов и аспирантов, Саратов, 23 апреля 2022 года. Саратов: Саратовская государственная юридическая академия, 2022. С. 8-10.

11. Буланова Н. М. Особенности взыскания обязательных платежей и санкций с физических лиц в порядке приказного производства / Молодой ученый. 2024. № 8(507). С. 147-149.

12. Воронцова И. В. Вопросы ответственности за нарушение порядка в судебном заседании и проявление неуважения к суду / Перспективы развития гражданского процессуального права: материалы III Международной научно-практической конференции, посвященной 85-летию со дня рождения доктора юридических наук, профессора И.М. Зайцева (г. Саратов, 14 сентября 2019 г.): сборник научных статей. Саратов: СГЮА, 2019. С. 95-98.

13. Даудова С. А. Роль суда в обеспечении законности применения мер процессуального принуждения / Гуманитарный научный журнал. 2024. № 4-1. С. 97-101.

14. Загидуллин М. Р. Юридическая ответственность в цивилистическом процессе / Вестник гражданского процесса. 2021. Т. 11, № 1. С. 119-134

15. Зайков Д. Е. Компенсация за фактическую потерю времени: некоторые проблемы правоприменительной практики // Актуальные проблемы российского права. 2023. № 9. С. 103 - 111.

16. Кондратенко Я. В., Пономарев С. А. Судебный штраф, как санкция, применяемая в гражданском процессе / Юриспруденция, закон и порядок: актуальные вопросы теории и практики : сборник статей II Международной научно-практической конференции, Пенза, 15 декабря 2023 года. Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2023. С. 204-210.

17. Лебедева О. Н., Черанева И. Е. Компенсация за фактическую потерю времени // Вестник научной мысли. 2022. № 4.

18. Липинский Д. А., Мусалкина А. А., Чуклова Е. В. Процессуальная ответственность и безопасность, процессуальная и национальная безопасность: проблемы соотношения и системных связей // Вестник гражданского процесса. 2020. № 4. С. 157

19. Матвеева Е. С. Причины и условия злоупотребления правом в юридическом процессе России в свете издержек реализации состязательного начала // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 2. С. 20 - 31.

20. Минаков С. К. Взыскание компенсации за потерю времени как санкция за злоупотребление процессуальными правами в гражданском процессе / Юридическая наука. 2024. № 5. С. 164-169.

21. Николаев С. В. Понимание и реализация мер государственного принуждения в гражданском судопроизводстве / Актуальные проблемы науки и практики: Гатчинские чтения 2023: сборник научных трудов по материалам X Международной научно-практической конференции, Гатчина, 26 мая 2023 года. Том 2. Гатчина: Государственный институт экономики, финансов, права и технологий, 2023. С. 180-182.

22. Определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 5 октября 2022 г. N 88-15523/2022. URL: https://7kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=27209089&case_uid=f3ce1dc1-8f52-431e-a34e-30fd5bd8cda&new=2800001&delo_id=2800001 (дата обращения: 14.05.2025).

23. Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 10.10.2024 N 88-21447/2024

24. Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 04.10.2024 N 88-19184/2024,

25. Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 18.01.2021 N 88-961/2021

26. Охотников А. Е. Вопросы взыскания компенсации за фактическую потерю времени в гражданском и арбитражном процессе / Научный Лидер. 2021. № 32(34). С. 83-85.
27. Соколова Д. О. К вопросу о правовой природе института привода в гражданском процессе / Тенденции развития науки и образования. 2022. № 92-8. С. 97-100.
28. Федоренко Ю. В., Кондаурова Е. А. Роль суда в обеспечении мер процессуального принуждения / Актуальные вопросы современных научных исследований : сборник статей XV Международной научно-практической конференции : в 2 ч., Пенза, 08 января 2025 года. Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2025. С. 145-147.
29. Хабриева Т.Я., Ковлер А.И., Курбанов Р.А. Доктринальные основы практики Верховного Суда Российской Федерации: монография / отв. ред. Т.Я. Хабриева. Москва: НОРМА, ИНФРА-М, 2023. 384 с.
30. Четвергов А. И. Судебные издержки и их возмещение в гражданском судопроизводстве: понятие и правовая природа / Пробелы в российском законодательстве. 2020. № 1. С. 244 - 248.
31. Эдгулова А. М., Ефимова В. В. Правовая природа юридической ответственности в цивилистическом процессе / Образование и право. 2024. № 8. С. 256-262
32. Юдин А. В. Разграничение злоупотреблений процессуальными правами в цивилистическом процессе со смежными правовыми явлениями // Закон. 2022. № 7. С. 30 - 38.
33. Яковенко Е. В. Компенсация за фактическую потерю времени в гражданском судопроизводстве: правовая природа и проблемы правоприменения // Арбитражный и гражданский процесс. 2023. № 5. С. 18 - 22.
34. Ярков В. В. Доказывание злоупотребления процессуальным правом // Закон. 2022. № 7.